

ПОТЪШНЫЕ.

«Изъ жизни для жизни».

Таланцевъ.

Есть вещи, существованіе и правомѣрность которыхъ не возбуждаетъ ни у кого сомнѣнія. Въ обыденномъ мышленіи людей эти факты находятъ опредѣленную ячейку и вытравить оттуда ихъ бываетъ не легкимъ дѣломъ.

Наоборотъ—масса явленій воспринимается обществомъ, какъ нѣчто противное сложившемуся порядку вещей, какъ не соответствующее различнымъ сторонамъ жизни. Являются глашатаи, которые, вооружась букваремъ и дѣдовскими очками, подкапываются подъ новые побѣги, а если эти испытанныя средства не помогаютъ, то проповѣдники хватаются за исторію Запада, вырываютъ изъ нея опредѣленныя страницы и съ чужими истинами идутъ провѣрять дѣла національнаго уклада.

Двѣ вышеуказанныя точки зрѣнія всегда были и, надо полагать, всегда будутъ. Разница возможна только въ предметѣ обсуждения, въ силѣ аргументаціи и въ продолжительности споровъ.

Но если посмотрѣть объективно на такіе выпадъ человѣческой мысли, если отыскать точку, основу, изъ которой линіи критики сливаются въ одну равнодѣйствующую или расходятся въ противоположныя стороны, то окажется, что закономерность этого явленія не подлежитъ сомнѣнію, ибо оно зиждется на принципѣ— «выгода, польза».

А вѣдь ничто не возбуждаетъ большихъ споровъ, какъ именно этотъ принципъ. Его роль всеобъемлюща и проникаетъ въ міръ чело-

вѣческихъ отношеній даже въ такихъ областяхъ, гдѣ по первому взгляду хозяйничаетъ только одинъ идеализмъ, мысль чистая и нѣтъ мѣста бациллѣ изъ трехъ измѣреній. Но это только кажется: «молочные туманы одѣваютъ перламутровой мантией и дѣвственныя вершины горъ и грязныя лачуги бѣдности».

Общество оцѣниваетъ выгоду съ точки зрѣнія того, слѣдуетъ-ли она за признаннымъ фактомъ въ ближайшемъ разстояніи или же она только маячитъ гдѣ-то очень далеко, а можетъ быть ее даже не видно простымъ глазомъ. Въ первомъ случаѣ большинство принимаетъ фактъ въ свой жизненный оборотъ, а во-второмъ—или отрицаетъ его совсѣмъ, или подвергаетъ сомнѣнію и фактъ, и существованіе самой выгоды.

Для правильной оцѣнки надо много прозорливости и безпристрастія, чтобы учесть грядущее, взвѣсить величину пользы и сказать рѣшительное слово. Не надо забывать при этомъ, что принципъ «выгода, польза» удивительно субъективенъ.

Въ частной жизни это—палка о двухъ концахъ и можно убѣдительно отстаивать любой изъ нихъ; въ общественной жизни тоже самое, но, что касается государства, то надо признать, что для него выгода есть величина строго опредѣленная, не поддающаяся биржевой котировкѣ. Здѣсь безсильны симпатіи и антипатіи общества, и всякія экскурсіи въ области историческихъ аналогій жизни различныхъ государствъ есть покушеніе съ негодными средствами.

Государство по своему назначенію имѣетъ дѣли, столь объемлюція, что заурядный масштабъ измѣреній и оцѣнокъ выгодъ государственныхъ не подходитъ.

Конечно, общественное мнѣніе можетъ проводить свою точку зрѣнія, но государство должно слѣдовать тому, что повелѣваетъ идея государственности. Пусть будетъ контроверза—ее разрѣшитъ время.

Въ такомъ запутанномъ положеніи оказался вопросъ о потѣшныхъ. Едва зародился, а потомъ реализировался онъ, какъ тотчасъ же всполошились печать и общество.

Критеріемъ всѣхъ словъ, статей и размышленій былъ избранъ вѣчно юный и старый, какъ міръ, принципъ пользы, выгоды. Его склоняли по всѣмъ падежамъ, его высчитывали разными способами, и, какъ всегда, мнѣніе раскололось на двѣ части:

— Отъ организациі потѣшныхъ не будетъ пользы, а только одинъ вредъ. Въ школахъ строй изгнать науку, воскреснетъ скалозубовщина и т. д. и т. д., пѣла съ присвистомъ такъ называемая правительственная оппозиція въ печати, а за ней и читатели.

— Отъ организациі потѣшныхъ громадная польза—это кадры арміи, это источникъ для развитія милитаризма, это школа для выработки дисциплины, это... и много другого хорошаго говорила вторая половина прессы и, какъ эхо, вторилъ ей читатель.

Разсмотримъ въ отдѣльности два вышеуказанныя теченія и послѣ опредѣлимъ истинное назначеніе потѣшныхъ.

Оппозиціонная пресса, если можно такъ выразиться, и ее читатели приступили къ потѣшнымъ съ негодными средствами и для облегченія своего труда привлекли еще негодный объектъ: они выискали въ исторіи общественной жизни государствъ Западной Европы фактъ, по первому взгляду, аналогичный нашему, рассмотрѣли его итогъ, учли, такъ сказать, осуществленную пользу и... пришили бѣлыми нитками къ зародившемуся русскому явленію французскіе и англійскіе концы.

Работа чисто механическая, подобная той, какъ если бы къ первой страницѣ газеты «Рѣчь» сдѣлать наборъ остальныхъ страницъ изъ «Земщины» или наоборотъ.

Любители аналогій почему-то усиленно игнорируютъ законы мѣста и времени, ихъ не интересуютъ историческія и другія условія. Имъ важно найти только легкое подобіе, имъ важенъ элементъ пользы или вреда—есть эти двѣ крайнія ступени и достаточно,—пересадка на русскую почву иноземнаго опыта возможна и при этомъ со всѣми послѣдствіями, которыя неукоснительно и законно должны развиваться у насъ.

Время, разница народной психики и другіе элементы не имѣютъ мѣста въ этой работѣ. Государственная и общественная жизнь признаются банкротомъ въ выработкѣ индивидуальныхъ путей и исторія русскаго народа можетъ созидаться только по западно-европейскому трафарету. Въ этомъ возрѣніи кроется странное недоразумѣніе. Оппозиціонная печать умышленно, а можетъ быть неумышленно, скрываетъ правду, ибо сами наши сосѣди иного мнѣнія о Россіи. Для нихъ ясна самобытная фizioномія представителя славянскаго племени и отъ русскихъ именно, въ областяхъ социальной, экономической и даже политической жизни, ждуть новаго слова. Конечно, вопросъ о потѣшныхъ слишкомъ малъ сравнительно съ общечеловѣческими проблемами, но если въ крупныхъ явленіяхъ мы идемъ самобытной дорогой, то, eo ipso, и въ этомъ якобы маленькомъ вопросѣ на насъ не лежитъ обязанности попадать въ утопанные слѣды.

Нѣтъ, безусловно и здѣсь мы будемъ индивидуальны, такъ какъ создаемъ въ лицѣ потѣшныхъ не забаву празднаго ума, а серьезный фактъ необходимости.

Какъ и всегда, такъ называемая оппозиціонная часть общества и прессы забили не обосновательную тревогу по данному вопросу. Въ потѣшныхъ они прекрасно усмотрѣли не ветхіе концы, а нѣчто здоровое, «полезное» для Россіи, но абсолютно вредное для нихъ, съ чѣмъ въ будущемъ надо считаться.

Что же касается теперь другого мнѣнія, сразу признавшаго хорошую сторону потѣшныхъ, то здѣсь возможны разнообразныя комментаріи, хотя трудно предположить, чтобы большинство ясно представляло бы себѣ будущую дѣйствительную выгоду этого явленія. Ближайшая выгода почти кричала о себѣ; ее, конечно, учли и успокоились на этомъ. Насколько либералы смотрѣли въ грядущее и видѣли тамъ одно великое бѣдствіе, настолько другіе искали около себя, находили желаемое и забывали о дальнѣйшемъ. 1905—08 г. поколебали нашу школу. Что-то чудовищное вползло и расшатало сложившіяся устои ея. Ферменты броженія угнѣздились тамъ, гдѣ имъ не должно быть мѣста. И вдругъ явилось средство очистить загрязненныя мѣста, дезинфицировать сосуды, захватанныя нечистыми руками, успокоить взбаламученное море и этимъ цѣлительнымъ средствомъ признали потѣшныхъ. Муштра, физическія занятія отвлекутъ умы дѣтей отъ осиновохъ кольевъ политики. Нехитрое военное дѣло внесетъ организаціонный элементъ въ разложившуюся среду—выгода, польза чрезвычайно ясна. Моментъ использованъ. Вотъ схема разнообразныхъ мыслей. Здѣсь грядущее не принималось въ расчетъ, а въ немъ-то именно заключается и воистину будетъ заключаться основа выгоды, только тамъ заложится первый камень новаго и, можетъ быть, великаго зданія.

Пока идетъ прологъ передъ опущенной занавѣсью и учитывать ближайшую отъ него выгоду нѣтъ достаточныхъ основаній. Но разъ въ обществѣ сложились вышеуказанныя мнѣнія, игнорировать ихъ нельзя при разсмотрѣніи вопроса о томъ, каково истинное назначеніе потѣшныхъ. Въ обѣихъ точкахъ зрѣнія есть доля правды, но несмотря на это, фактъ остается фактомъ и его надо анализировать отъ корней.

Начнемъ съ того, что потѣшные—явленіе абсолютно самобытное въ русской жизни. Для него мы не найдемъ прецедентовъ въ исторіи Западной Европы, даже если спустимся въ глубь вѣковъ минувшаго.

Нельзя, конечно, принимать во вниманіе дѣтское воинство крестоваго похода изъ трагически прекраснаго средневѣковья. Этотъ фактъ не въ счетъ абонементъ,—это не организація, а случай; онъ не далъ ростковъ и представляетъ изъ себя печальный мартирологъ религіознаго фанатизма.

Далѣе, нельзя считать янычаръ «Высокой порты» за основу затѣи русскаго духа. Безсмертныя султановъ съ успѣхомъ могутъ занять мѣсто въ одной изъ главъ «Шахъ Намэ»; они сыграли небольшую, но яркую роль и исчезли, сошли съ исторической сцены, какъ мученики, герои и палачи.

Славянской расѣ чужда затѣя повелителей востока—мощь колосса силою геніальнаго Провидѣнія вызвала къ жизни «малыхъ сихъ» и на зарѣ у истоковъ новой исторической рѣки лучи солнца встрѣчали русскіе потѣшные.

Трудно рѣшить теперь, задавался-ли великій преобразователь Россіи, основывая потѣшныя войска, вопросомъ о пользѣ ихъ. Пожалуй, что нѣтъ, не задавался; царственный отрокъ творилъ «одну затѣю» для себя только, но несомнѣнно, что призывной кличъ стать въ ряды «забавной дружины» былъ актомъ несознанной необходимости, былъ правдой, былъ актомъ творчества русскаго и русскіихъ.

Но если петровская забава явилась зерномъ для организаціи регулярной арміи, то эта же забава послужила зерномъ и для развитія соціальнаго факта, который съ того времени красною нитью тянется до нашихъ дней, а именно: розни между сословіемъ военныхъ и остальными гражданами. Для такого разрыва населенія много было и есть данныхъ, сѣдая старина не знала этой трагедіи, а къ намъ, дѣтямъ XX вѣка, она дошла и надо, наконецъ, разрѣшить ее. И ее разрѣшать тѣ же, кто былъ виновникомъ рожденія соціальной болѣзни, т. е. потѣшные.

Не переходя пока къ разсмотрѣнію этого вопроса по существу, прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ историческихъ событій.

Съ петровскаго времени унеслись вѣка.

Зерно, окученное великою рукою, дало тысячи ростковъ и проросло въ армію съ прекрасными страницами былого.

Что же касается Запада, то, просматривая его «l'histoire moderne», мы вдругъ находимъ тамъ слабое подобіе потѣшныхъ.

Значитъ, въ то время, когда въ Россіи потѣшное воинство исчезло и память о немъ испарилась, въ культурной странѣ, послѣ неудачной Франко-Прусской войны, является нѣчто аналогичное.

Достаточно бѣлаго взгляда на это общественное явленіе, чтобы убѣдиться въ его нежизнеспособности. Причинъ для этого слишкомъ много: рядъ революцій поколебалъ все основныя и государство подошло къ злополучной войнѣ, какъ издерганный физически и нравственно человекъ. Чувство гражданскаго долга замѣнилось мелкой монетой политиканства. Армія, всегда близко стоящая къ

населенію, вовлечена была въ интриги междуособной войны; въ этой распрѣ атрофировались главныя цѣнности арміи—воинскій духъ, дисциплина и любовь къ своему дѣлу. Дурные воины стали хорошими политиками.

Такое неестественное положеніе закончилось извѣстнымъ крахомъ. Лучшіе умы прозрѣли.

Космополитизмъ и либеральныя тенденціи оказались нулемъ передъ ви́шней опасностью и книжная истина должна была пасть ницъ передъ истиной Круппа.

Нація могущественная въ выработкѣ правъ человѣка и гражданина оказалась безсильной въ нивелирующихъ рядахъ арміи.

Послышались призывы къ возрожденію милитаризма.

Но въ подлунномъ мірѣ существуетъ удивительный законъ, который приблизительно можетъ быть сформулированъ въ слѣдующемъ видѣ: созиданіе обратно - пропорціонально разрушенію, т. е. чѣмъ труднѣе возсоздается какое-либо явленіе, тѣмъ легче оно разрушается и обратно.

Во Франціи духъ воинства ковался отъ Юлія Цезаря до Ватерлоо, а палъ отъ натиска либерализма. Возстановить тысячелѣтнюю работу однимъ ударомъ, одной прививкой было немислимо и опытъ доказалъ справедливость выведеннаго закона.

Милитаризація школъ оказалась мыльнымъ пузыремъ, ибо, въ виду спѣшности и нецѣлесообразности принятыхъ мѣръ и жажды получить скорѣе утерянное, создалась скалозубовщина. Во имя одного терялось другое, муштра изгоняла науку. Дѣятели пересолили, а само дѣло, не имѣя корней въ народѣ, въ жизни не претворилось въ жизнь и погибло, надо полагать, безвозвратно.

Гражданскіе лозунги вторично побѣдили солдата.

Такимъ образомъ, ясно какъ день, что между исторіей потѣшныхъ во Франціи и нашими потѣшными нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія и искать тутъ какой-нибудь аналогіи по меньшей мѣрѣ бессмысленно. Конечно, мы можемъ принимать во вниманіе способъ осуществленія этого явленія во Франціи, дабы не впасть въ такія же крайности, помня, что наша цѣль возсозданія потѣшныхъ сильно разнится отъ цѣли французской, но тѣ, кто руководить этимъ дѣломъ, вѣроятно, знаютъ прекрасную мысль, высказанную Игерингомъ, что «жизнь народовъ не можетъ быть однимъ изолированнымъ сосѣдствомъ, но, какъ и жизнь каждаго индивидуума въ государствѣ, она является общеніемъ, системою взаимнаго соприкосновенія или воздѣйствія, мирнаго или враждебнаго, дачею и полученіемъ, займомъ и ссудою, короче, величественнымъ

обмѣномъ, охватывающимъ всѣ стороны человѣческаго бытія; тотъ же законъ, продолжаетъ Игерингъ, который управляетъ матеріальною жизнью, дѣйствуетъ и въ жизни духовной: жизнь есть полученіе извнѣ и внутреннее усвоеніе; воспринятіе и переработка, вотъ двѣ фундаментальныя функціи, на которыхъ покоится бытіе и равновѣсіе всего существующаго, здоровье каждаго живого организма. Прекратить воспріятіе извнѣ и предоставить организму развиваться только изъ себя значитъ убить его: развитіе изъ себя, разложеніе начинается только въ трупѣ... Ни одинъ народъ не существуетъ только ради себя, но одновременно и ради другихъ: всѣ другіе народы міра имѣютъ право на соприкосновеніе съ нимъ. Не всякая почва производитъ все, не всякій народъ способенъ на все. Но эта неполнота отдѣльнаго сглаживается взаимопомощью и обмѣномъ: законченность воспроизводится только въ цѣломъ, въ общеніи».

Далѣе, иногда указываютъ на несостоятельность потѣшныхъ въ Англіи. Тутъ уже картина иная, чѣмъ во Франціи, тутъ все иное и потѣшные въ странѣ парламентаризма, въ странѣ безкровной борьбы за свободу личности, въ странѣ индустріи и капитала, тутъ потѣшные есть и будутъ только потѣшными, въ буквальномъ смыслѣ слова и юный мечъ никогда не побѣдитъ сложившагося вѣками порядка вещей—священнаго обычая.

Тутъ духъ иной и намъ у англійскихъ потѣшныхъ заимствовать нечего.

Не то въ Германіи, здѣсь много поучительнаго.

Страна Либкнехтовъ, Марксовъ, Каутскихъ и другихъ видныхъ представителей социальныхъ и политико-экономическихъ теченій удивительно братски живетъ. Въ Германіи апофеозъ милитаризма, но граждане не считаютъ себя стоящими отдѣльно отъ арміи; наоборотъ—всѣ гордятся мощью своего воинства, уважаютъ и любятъ его и всѣ политическія тенденціи падаютъ въ вопросахъ національнаго характера.

Да, тутъ многому можно поучиться русскому либералу, этому гражданину всѣхъ государствъ, кромѣ Россіи.

Тутъ многому должно поучиться и русскому народу, который еще доселѣ воетъ, отдавая сына въ солдаты и который недолюбливаетъ армію.

Въ этомъ отношеніи особнякомъ стоитъ Русь необъятная и потому безусловно особнякомъ стоятъ и ея потѣшные.

Они взяты «изъ жизни для жизни».

Петръ Великій съ бряцаніемъ оружія ввелъ насъ полноправными гражданами въ семью европейскихъ народовъ.

Для такого подвига понадобилось много усилий и жертвъ, но державный геній все превозмогъ, даже превозмогъ миролюбивую славянскую природу, зажегши въ ней огонь войны.

Чтобы поддерживать новые свѣтильники, понадобился елей, и онъ первый далъ его въ видѣ различныхъ привилегій, изъятій, правъ и преимуществъ, положивши тѣмъ основу военного сословія и одновременно положивши тѣмъ основу для... вражды населенія.

Въ дальнѣйшей исторической жизни притокъ этихъ преимуществъ увеличивался и параллельно увеличивалась вражда, принявшая въ наше время крайне острый характеръ.

Лѣчить эту болѣзнь раньше никто не думалъ, а теперь необходимо это сдѣлать.

Утомившись въ безплодныхъ шаганіяхъ по угламъ Запада, мы хотимъ, наконецъ, поправить свою разруху. Мы хотимъ, извлекая изъ старины виновниковъ національнаго недомоганія, ими же слить во-едино двѣ половины государственнаго тѣла. Мы ищемъ выгоды, пользы не теперь, а въ будущемъ черезъ поколѣніе, а можетъ быть и два.

Отъ потѣшныхъ мы не ждемъ развитія милитаризма, хотя въ этомъ за нами и есть большой грѣхъ, но это грѣхъ первородный и онъ, надо надѣяться, исчезнетъ, когда граждане полюбятъ свою армію, когда они поймутъ, что служба въ вооруженныхъ рядахъ не есть несчастіе, а священная обязанность, долгъ передъ родиной.

Такимъ образомъ два вышеприведенныхъ взгляда на потѣшныхъ безусловно не соотвѣтствуютъ истинному положенію вещей.

Нельзя учитывать выгоду, пользу для настоящаго момента, ибо польза эта слишкомъ ничтожна, и нельзя хулить возрожденное воинство только потому, что Западъ дурно разрѣшилъ несоотвѣтствующую его характеру задачу.

Судъ надъ ними преждевременный, такъ какъ сейчасъ возводится только основаніе для великой постройки.

Потѣшные это — посредники между семьей и арміей, это парламентареры мира отъ долго воевавшихъ сторонъ.

Ихъ миссія священная и безусловно національная.

Ихъ выдвинула жизнь не для временной забавы, а для жизни.

Т. Дембинскій.

